

убийствами смыты тысячи, разоренных столиц—шесть. 41 турок взяты в плен. Турки отступили.

В Турции.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Близь Мириофии, после последнего землетрясения обра-зился ряд соков, извергающих грязь.

Мирные переговоры с Италией во-звободились.

Движение малиссоров и миридовидов усилилось. Происходящая нападка на ук-репленные пункты, с трудом отбива-емые войсками.

Вечерняя почта.

Отпуск В. Н. Коновцева. Предполагав-шийся в начале сентября 2-недельный отпуск председателя Совета министров В. Н. Коновцева, который он намеревался провести в своем имении, в Новгородской губернии, отложен на неопределенное время. Причиной является крайне тревожное состояние здоровья замужней дочери В. Н. Коновцева, заболевшей тифом. Больница лежит на даче председателя Со-вфта министров.

После улучшения здоровья больной дочери, В. Н. Коновцева, временно, покинет на недельку ее имение. («Рус. Сл.»).

Репрессия печать. Секретарь Государ-ственной Думы И. П. Созонович (правый) говорит с представителями думской пе-чати по поводу последних репрессий про-тив печати.

И. П. Созонович—противник репрес-сий, в особенности налагаемых в ад-министративном порядке.

Печать,—говорят они,—отражает мысли тѣх или иных партийных групп. Печать может ошибаться. Она может быть неправа и даже партийно пристрастна. Но неправильно начинать печать за то, что она высказывает мысли, которые мы слышим вслух вскору себѣ.

Я помню,—продолжает г. Созонов-ич,—то время, когда появился в пе-чати «Преступление и наказание» Достоев-ского. Достоевского упрекали в том, что он представил Раскольникова слишком злочинным. Противники Достоевского находили, что идеализация Раскольникова может усиливать преступности, и отдельные случаи подражаний Раскольникову, дѣстательно были. Но разве из этого мож-но сделать вывод, что Достоевскому не следовало писать одно из лучших эпо-ховых произведений—«Преступление и на-казание»?

Одѣльные лица из администрации не всегда компетентны в оценках того, должна ли газетанести кару за ту или иную статью, или нет. Да и определенные критерии для оценки преступности или не-преступности данной статьи, вѣдь, не существует. Руководствуются обычновен-но своим, собственным, впечатлѣем, а этого нужно избегать. Нужно дать печати возможность высказывать то, о чём говорят в обществѣ, и само общество слу-чайно разобраться в том, что правда и что неправда.

Наша политическая печать въ послѣ-нее время стала гораздо серьезнѣе. Лѣвки таскы пишут часто то, с чѣмъ человѣкъ можетъ убѣжденій не можетъ согласиться, но серебряные органы печати высказываютъ теперь свои взгляды въ тонѣ вполнѣ допустимы и достаточно корректны. («Рус. Сл.»).

Министерская осушка болотъ. Псков-ское экстренное губернское земское со-брание, созванное для решения вопроса о Полистовскомъ канатѣ, 4-го сентябрь единогласно пришло необходи-мымъ уре-гулированіе рѣки Полисти для предупреж-дения затопленія прибрежныхъ селений и дуговъ при соединеніи Полистовского канатѣа съ рѣкой по проекту, выработанному гидротехниками министерства земледѣлія.

Приготовившій на собрании помо-щника управляющаго отдельными земельными участками инж. Максимовъ отрицалъ не-обходимость урегулированіе рѣки. Въ не-планомерности и технической неточности работы, по мнѣнию Максимова, виновенъ подрядчикъ Тимошенко, способъ производ-ства работъ которого признался соверши-емъ неудовлетворительныхъ.

Работы по прорытию Полистовского канатѣа продолжаются подъ непосредствен-нымъ наблюдениемъ гидротехниковъ мини-стера.

Большіе споры вызываетъ вопросъ о фракционности кандидатуры. Кандидатура меньшевиковъ имѣеть больше шансовъ, чѣмъ большевиковъ, тѣмъ болѣе, что среди рабочихъ существуетъ неудовольствіе бывшимъ депутатомъ отъ рабочихъ города. Петербурга Н. Г. Полетаевымъ. Ему, между прочимъ, ставится въ вину, что онъ спеш-комъ рѣшено выступать съ трибуны.

Сторонники большевистского течения ука-зываютъ, что Полетаевъ былъ однимъ изъ энергичныхъ инцидаторовъ созданія рабочей прессы, а потому его нужно поддер-живать. Въ связи съ агитацией за избрание въ Петербургъ рабочаго съ 10-го сентября начнетъ выходить новая газета «Живая Жизнь». («Рус. Сл.»).

Выборы и исправники. Тульскимъ губер-наторомъ изданъ и разосланъ всѣмъ из-вестнымъ исправникамъ циркуляр, касающійся предстоящихъ выборовъ въ 4-ю Думу.

ГЕРОЙ.

Счастье состоитъ не только въ томъ, чтобы имѣть хорошихъ друзей,—оно за-ключается въ томъ, чтобы имѣть хоро-шихъ враговъ.

Что такое побѣда надъ врагомъничтож-ностью? Изобрѣтъ:

Насколько легче переносится даже са-мая тяжесть пораженія, если побѣдите-лемъ явился противникъ доблестный, ува-жаемый къ которому не испытаетъ даже вѣ-разъ борьбы...

На дружи Россіи никогда особенно не вѣло, но враги ей попадались дѣйстви-тельно превосходные. Враги, на которыхъ она можетъ съ гордостью указывать и поэзъ побѣдъ, и послѣ пораженій.

Сейчасъ перечень нашимъ вниманiemъ стоятъ образы двухъ.

Однѣ—герои мировой эпохи, со склон-ной судьбой, склонной энергіей, склон-ной схвой, склонной властью, воспре-сивой въ демократическомъ стилѣ, ле-гендарные образы героевъ, отдаленныхъ отъ насъ тысячелѣтиемъ, изгнанный зем-ными шаромъ, какъ шарикомъ бильбоя—онъ стоитъ передъ нашими воображеніемъ уже больше стѣльти, а пыльный годъ не края познанъ имъ не только въ Россіи, но и въ всей Европѣ.

Другой—папъ недавний, послѣдний врагъ, казавшійся намъ такимъ смѣшнымъ и чистокровнымъ, сквозично выросъ на наши глазахъ, въ борьбѣ съ нами, побѣдившій насъ.

Сейчасъ онъ заставилъ вспомнить о себѣ только одинъ; и, спустя годъ, на памъ, европейскую оѣнку, неизѣмную и варвар-скую, но таинственную себѣ многое свое-образную, а показалъ и безусловной крас-оти и величіемъ.

Взять этотъ—японцы, а эпизодъ—ха-рактеры, которому подвергся нашъ вчерашній побѣдитель, генералъ Ноги.

Перевжившіе, выжившіе въ страш-ной битвѣ, гибнущіе въ великой отече-ственной войнѣ, и впечатлѣніе, произведенное самоубийствомъ японскаго генерала, я-поніи синишкомъ различны по величинѣ, но они все таки объединяются однимъ элементомъ—дѣбѣстью нашего патротизма.

Въ этой статьѣ я хотѣлъ бы останов-иться на меньшемъ; не на всмѣрной эпопѣ, а на эпизодѣ, заключившемъ со-бою жизнь японскаго генерала, въ которо-мъ такъ притуплено соединилось геройство и варварство, отрицаніе человѣческой личности и утверждение еї.

Май приходится за эти дни сплѣшить, и всѣмъ отъ почтенѣйшихъ людей, очевид-но по крупу, извергающихъ грязь, тошки о снальяхъ, погибшихъ въ бою,—это было бы башкортство духа показывало бы

на то, что человѣку стало нечѣмъ жить. Осуждали бы жизнь, отринули бы ея цѣ-нности, и должно было бы быть, что свою очередь, отвергнута жизнь.

Варварство и бесмыслица. Просто глупость, и больше ничего.

Суждение презрѣвшаго несложное, цѣ-ликомъ опровергающееся на наши собственныя и при томъ пресущий именно настоящему времени, понятія о культурѣ, разумности, о благородномъ и безсмыслицемъ.

Но благородство существовало во всѣхъ народовъ, при самыхъ не-схожихъ между собою представленияхъ о доблести.

Что же позволяетъ намъ объединить въ понятіи благородный всѣхъ этихъ, раз-дѣленныхъ вѣкамъ и материками людей?

Одинъ признакъ:

Они поступаютъ такъ, какъ, по ихъ по-нятію, должно поступить человѣку, руководясь не своею быстрымъ побужде-ніемъ, хотя бы въ самомъ облагорожен-номъ смыслѣ этого слова, а идеаломъ, какъ онъ его понимаетъ.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они поступаютъ такъ, какъ, по ихъ по-нятію, должно поступить человѣку, руководясь не своею быстрымъ побужде-ніемъ, хотя бы въ самомъ облагорожен-номъ смыслѣ этого слова, а идеаломъ, какъ онъ его понимаетъ.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

Они, сказалъ Кантъ, руководились въ своей жизни всегда категорическими императивами. Только съ этой точки зре-ния и можно разсматривать людей. Поки-нувшись ею, мы тотчасъ смыкаемся въ одну толпу героевъ и негодяевъ, или однихъ и тѣхъ же людей называемъ называть то героями, то негодяями, въ зависимости отъ собственныхъ взг҃ядовъ и направле-ний.

